

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская
Урок
Серия «Гимназистки», книга 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636205

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Верочка была в отчаянии. Бабушка лежала уже неделю с жесточайшим приступом ревматизма, денег не было ни копейки в доме, а тут... извольте в трехдневный срок освободить квартиру!.. И как назло, до получения бабушкиной пенсии остается еще целая неделя...

Лидия Алексеевна Чарская

Урок

Рано утром приходила чухонка-молочница и настойчиво просила денег. За последние два месяца ей не платили. Потом, от имени управляющего домом, старший дворник требовал освободить квартиру в трехдневный срок. Этому было в последний раз заплачено в июле, а теперь, слава Богу, был уже октябрь на дворе. Других бы выселили давным-давно, но еще жило в памяти Старшего приятное воспоминание о тех днях, когда старушка Филатова вместе с мужем, капитаном в отставке, и с внучкой Верой занимали квартиру № 45, в четыре большие комнаты с двумя ходами, и тогда на долю Старшего выпадало немало полтинников на чай. Из уважения к печальному положению капитанши Старший ждал квартирных денег, пока мог, и управляющий тоже. Но и управляющий, и Старший наконец почувствовали необходимость выселить Филатовых из крошечной квартирки в одну комнату и кухню, где-то на третьем дворе, куда они обе переехали после смерти капитана.

Верочка была в отчаянии. Бабушка лежала уже неделю с жесточайшим приступом ревматизма, денег не было ни копейки в доме, а тут... извольте в трехдневный срок освободить квартиру!.. И как назло, до получения бабушкиной пенсии остается еще целая неделя! Да и велика ли пенсия!

Тридцать пять рублей шестьдесят две копейки! Одна квартира стоит двадцать, с дровами, правда, но с другой стороны, как можно питаться, одеваться, ездить на конках в продолжение целого месяца на ничтожную сумму в 15 рублей?! А тут еще этот долг за три месяца за квартиру, и молочница, и булочник, и лавка! Главное лавка! В последний раз, когда Верочка бегала туда за хлебом и картофелем (за все это время хлеб и картофель составляли самую существенную пищу бабушки и внучки), приказчик из мелочной с ехидной усмешечкой обратился к ней, Верочке, со словами: «А за вами, барышня, значится изрядный должок», заставив вспыхнуть до ушей бедную Верочку.

И здесь должок! И там тоже. Всюду! Всюду! Если б Верочка была старше и не училась в гимназии (какое счастье еще, что за примерное прилежание ее в прошлом году освободили от платы за ученье!), о, она сумела бы найти выход! Она давала бы уроки, брала бы переписку на дом, выучилась бы печатать на пишущей машинке, а сейчас...

Сейчас Верочка бессильна. Есть от чего прийти в отчаяние и горько-горько плакать по ночам, уткнувшись лицом в подушку!

* * *

– Верочка! Ты уже уходишь?

– Да, бабушка!

– В гимназию, дружочек?

– Да!

Верочка не умеет лгать и целует бабушку, стараясь избежать тревожно обращенного на нее взгляда старушки.

– Если пожелаете кофе, я поставила в духовку. Нарочно затопила плиту с шести часов, чтобы тепленький выпили. Картошку тоже сварила, бабушка... Захотите кушать – не ждите меня! Хлеб на столе под тарелкой. До свиданья, бабушка! Господь с вами!

– До свиданья, пчелка-хлопотуша моя!

Бабушка крестит Верочку, Верочка – бабушку. Это уж у них так заведено с тех пор, как осиротели они со смерти дедушки, обе – девочка и старушка. Раньше дедушка крестил бабушку. Теперь дедушки нет. Он спит последним непробудным сном на Смоленском кладбище, и его трогательную обязанность Верочка взяла на себя.

– До свиданья, милая бабушка!

– До свиданья, деточка моя!

Старушка Филатова с трудом поднимается с постели, идет в кухню, морщась от боли в ногах, чтобы запереть входную дверь за внучкой. Исполнив это, она еще стоит с минуту, прислушиваясь к тому, как постукивают по каменным ступенькам лестницы знакомые Верочкины каблучки.

– Господь с нею! Господь с нею! – лепечет бабушка, и ее теперь всегда печальные старческие глаза слезятся. Потом она внимательным, долгим взором окидывает окружающую

обстановку. Бедный, тесный, но все еще милый уголок!

– Через три дня выселяться надо, а куда и с чем?! – с тоской шепчут ее губы. – Господь Милосердный, каково-то все это отразится на Верочке?! Боже мой! Боже мой! Будь милостив к ней...

Глаза бабушки обращаются к висевшему в углу киоту (единственное сокровище, оставшееся от прежней жизни), и она продолжает молиться за Верочку. За себя ей, бабушке, нечего молиться. Ей немного надо. Угол в богадельне, койка и все. Ее песенка спета. А вот Верочка... Верочка... С трудом старуха опускается на колени. Больные ноги что-то плохо сгибаются в суставах.

– Верочку только спаси, Господи! – молит она Всевышнего, – Верочку! Она такая чуткая, добрая, кроткая! Помилуй ее, Матерь Божия! Царица Небесная, помилуй ее!

* * *

Верочка шагает быстро по мокрым от дождя тротуарам. Дождик хлещет вовсю, а галош у нее нет. Неприятно получить насморк и кашель к дополнению всего. Не хочется мочить ног. Верочка старается ступать на пальцы. Меньше шансов, таким образом, промочить ступни. Зонтик у Верочки старенький, дырявый и плохо предохраняет от дождя. Но все-таки нельзя без него. Фетр на шляпке намокнет, и без того вылинявшая от времени шляпа станет уже совсем без-

образной. Верочка шагает быстро, как скороход. Сначала ей холодно в ее летней жакетке (осенней у нее нет), потом мало-помалу быстрая ходьба делает свое дело, и Верочка согревается на славу. Теперь, когда отогрелась немного, можно пойти и потише. Ведь не в гимназию спешит...

Да, не в гимназию... А бабушка-то и не подозревает. Нехорошо, что она, Верочка, обманула свою старушку! Очень плохо. Но... а вдруг бы она сказала бабушке, а там бы ничего не вышло. Даром бы обнадежила только. Нет, нет! Пожалуй, так и лучше! Предостерегать бабушку от лишних волнений. Конечно, так. Проходя мимо думы, Верочка взглянула на часы. Без четверти девять! Успею как раз вовремя. Надо прибавить ходу.

И она снова зашагала быстрее, вся маленькая, тоненькая, с толстой белокурой косою, свитой на затылке, и большими задумчивыми серыми глазами на бледном, худеньком, совсем еще детском лице. Через пять минут Верочка осторожным робким звонком давала знать о своем приходе у дверей первого этажа большого богатого дома на Караванной. Толстая, в ситцевом платье, с заспанным лицом прислуга в грязном переднике открыла ей.

– Вам кого? – не совсем любезным тоном проговорила она, подозрительно косясь на мокрые ноги Верочки.

Та смутилась:

– Мне... я... по объявлению... Было от вас объявление в газете... Учительницу сюда нужно. Так... я...

– Погодите! – точно отрезала толстуха и перед самым носом Верочки захлопнула дверь.

И сердце Верочки точно захлопнулось вместе с дверью. А вдруг не пустят ее больше сюда?! Может быть, приняли за воровку, за авантюристку какую-нибудь, боятся, чтобы она чего-нибудь не стащила в прихожей. Даже на порог прислуга побоялась впустить ее, Верочку! А все из-за того, что у нее старенькая кофточка, плохая шляпа и заплатаанные башмаки. Отчаяние охватило душу Верочки. Она готова была уже спуститься с лестницы, так как, по-видимому, было мало надежды, что снова откроется дверь...

И вот, когда слезы готовы были брызнуть из глаз Верочки, желанная дверь распахнулась с грохотом, та же толстуха появилась на пороге и пробасила:

– Входите, што ль! Раздевайтесь. *Сама* говорить сейчас будет с вами!

Верочка не без трепета перешагнула порог и, волнуясь, стала снимать с себя верхнее платье. Едва только успела она освободиться от кофточки, как тяжелые шаги за спиной заставили ее обернуться. Верочка увидела перед собой невысокую, очень полную женщину, с гладко причесанной, на пробор, головой, в турецком пестром капоте.

– Вы что ж это, по объявлению пришли? – кивнув Верочке в ответ на ее вежливый поклон, проговорила хозяйка.

– Да, – робко ответила Верочка.

– Батюшки-светы. Да никак вы сами ученица-то! – вырва-

лось не то изумленно, не то испуганно из груди женщины.

– Да!

– Царица Небесная! Да сколько вам лет-то?

– Шестнадцать!

– Святители мои! Я бы и тринадцати не дала по виду!

Верочка смутилась. Действительно, она очень миниатюрна и кажется, несмотря на свои шестнадцать лет, чуть ли не двенадцатилетним ребенком.

Она стояла, точно к смерти приговоренная, перед хозяйской квартиры и мучительно краснела под ее пристальным, в самую душу, казалось, проникающим взглядом. А та между тем говорила:

– Уж и не знаю, как поступить! *Сам-то*, муж мой, то есть, строго наказывал перед тем, как ехать в магазин (у нас фруктовый магазин, знаете), учительницу постепеннее да построже нанять, чтобы с моими Гусынями справляться. Уж очень они у нас туги на ученье-то... По два года сидят в каждом классе. А уж годов немало. Уж чего-чего отец не придумывал с ними! И в комнату под замок с книжкой запирал, и за косу трепал, ничего, то есть, не помогает! Я и то ему говорю: «Брось, – говорю, – Акиша, на их век хватит ученья-то! Не бесприданницы какие, – говорю, – не в учительницы им идти! Слава Богу, проживут и с тем, что понахватали в школе!» Меня самую покойный родитель не очень, чтобы к науке нудил, и вот, слава Богу, до седых волос дожила счастливо, как дай Бог всякому. А он мне на это, *сам-то*: «Молчи, Праско-

вья Федоровна, нынче другие времена пошли!» Нынче, говорит, без науки ни шагу. Нынче неученый человек, что слепой. Хочу, говорит, беспреренно, моих Гусынь в люди вывести (это он Гусынями дочек называет). Ну, понятно, кто ему перечить станет! Взjala да и послала в газету объявление... Ищут репети... репети... ох, и не вымолвить сразу!

Проговорив одним духом все это и сбившись на последнем слове, *сама* замолчала.

Молчала и Верочка. Неловкие, тяжелые потянулись минуты.

У противоположных дверей, ведущих в следующую комнату, слышалась какая-то подозрительная возня и заглушенный смех.

– Это Гусыни мои гогочут! – предупредительно пояснила хозяйка, перехватывая недоумевающий взгляд Верочки, обращенный к дверям. Потом недовольно-ворчливым голосом крикнула на всю квартиру: – Под потолок выросли, а ума не нажили! Сто раз наказывала вам под дверьми не слушать. Ступайте сюды, коли уж невтерпеж поглядеть охота. Поля, Даша!

И едва успела договорить хозяйка, как дверь широко раскрылась, и две высокие, полные, упитанные, румяные девицы появились на ее пороге. Они обе как две капли воды походили на мать. Их молодые, пышущие румянцем лица так и сияли весельем, задором юности и полным довольством жизнью и собой. По виду им было лет по семнадцать каж-

дой. Несмотря на это, обе казались неуклюжими подростками благодаря коротким платьям и туго заплетенным в толстые косички, по-детски, волосам.

– Здравствуйте! – проговорили они обе сразу, точно по команде, и протянули свои большие пухлые руки Верочке. – Вы репетировать с нами будете? Да?

Верочка смущенно и вопросительно взглянула на хозяйку.

Та развела руками:

– Уж и не знаю, что делать! Ума не приложу! Как бы *сам* чего доброго не рассердился. Ребенка, скажет, не учительницу взяла! То-то. А по виду-то вы мне нравитесь: скромная, тихая, видать, девица. Вы вот что: заходите-ка вечером ужо. Я с мужем переговорю, как он вернется. Тогда и ответ дам. Вы по каким часам заниматься-то станете?

– После гимназии, если позволите. Так с трех до пяти.

– И очень даже прекрасно! Мои Гусыни тоже к этому времени домой из гимназии приходят.

– Мамочка! Как вам не совестно нас так при посторонних называть! – взмолилась одна из дочерей.

– Ну ладно, от слова не поглупеете больше, – отмахнулась от них мать. Потом снова проговорила по адресу Верочки:

– Так вы вечерком ужо забегите! А не то ваш адрес дайте... Поля, запиши... Малаша за булками вечером пойдет, прогуляется и до вашей квартиры. Вы где живете?

Верочка поторопилась дать адрес.

– Вы одна или при родителях? – не без некоторой доли любопытства осведомилась хозяйка.

– Нет. Я с бабушкой.

– Так, так. Сирота, значит.

– Да.

– Ну, Господь с вами, ступайте. Как *сам* домой вернется, мы вас и оповестим. А условия наши в газете были, так что об иных каких и не приходится говорить.

И пожав руку Верочке своей пухлой мягкой ручкой, хозяйка вышла. Ее обе дочери остались с девушкой. Обе девицы смотрели на нее ласковыми, доброжелательными глазами, точно хотели сказать: «Не беспокойся, пожалуйста, ты нам очень нравишься, очень, очень!»

Смущенная Верочка поторопилась распротиться с ними и уйти.

* * *

Дождь перестал, но на улицах было по-прежнему сыро и неприглядно, когда Верочка торопливо шагала по направлению к своей крохотной квартирке на Боровой. Было около одиннадцати часов, и идти в гимназию не стоило так поздно.

Тихо-тихо позвонила Верочка, чтобы не испугать бабушку у своей двери. Но тем не менее старушка уже встревожилась ее ранним приходом.

– Что ты так рано, деточка, разве вас отпускают в та-

кие часы? – взглянув в лицо внучки, взволнованным голо-
сом осведомила старушка.

Верочка встретила этот взгляд, потупилась и вспыхнула до корней волос. Она не хотела лгать. Да и не умела.

Обняв за шею обеими руками свою старушку, она рассказала ей все, всю свою маленькую тайну, спрятав пылающее личико на ее груди. Захлебываясь словами, Верочка торопилась облегчить свою душу признанием.

– Только теперь надо вооружиться терпением, бабушка, и ждать до вечера. Каков-то будет ответ?!

Старушка ничего не сказала. Только глаза подняла на образ. А в сердце ее воскресла мгновенно такая огромная, такая жгучая радость, что, казалось, оно, это бедное старенькое сердце, не выдержит ее. И не за урок, не за возможность выхода из нужды, посланную им Богом, благодарила Его, Милостивого, в эти минуты старушка, а за то, что есть у нее Верочка, редкая, заботливая, сокровище-Верочка, какой другой не сыщется во всем мире!

Весь этот день Верочка провела в тревоге. Каков-то окажется ответ купчихи! Что ожидает ее? А бабушка была спокойна. Бабушка знала твердо, бабушка верила, что доброе начало не останется без награды. Верочка хотела трудиться для своей старушки. Стало быть, Бог Милосердный поддержит Верочку. И бабушка не ошиблась.

Ровно в семь пришла толстая Малаша. Письма она не принесла никакого. Только передала на словах.

– Велели приходить завтра. В три часа. *Сам* согласился.

И только.

Но с этой коротенькой фразой для бабушки с Верочкой началась новая жизнь.

* * *

Старшего удалось убедить подождать еще месяц с платой за квартиру. Удалось упротить отсрочки и у прочих кредиторов. А тут еще подвернулся и другой урок. Фруктовщица, как называла за глаза мать Гусынь Верочка, рекомендовала ее в дом своих знакомых, где требовалось готовить маленькую дочку. Дела бабушки и Верочки поправились сразу. Верочка ожила, повеселела. Ожила и бабушка. Теперь у нее была возможность приобретать лекарство от ревматизма и питаться не одним картофелем с хлебом.

А через год, когда Верочка окончит гимназию и исключительно примется давать уроки, о, тогда!..

Об этом славном времечке сладко мечтают обе – и бабушка, и внучка!